

Здравствуйте!
Извините, что беспокою, но я очень хотела попросить вашей помощи!

Дело в том, что мой отец потерял связь со своим другом детства, единственную информацию о нем я нашла лишь в вашем клубе:

http://www.odessitclub.org/read_pg_root/cheka/index.php — это и есть его товарищ.

Пожалуйста, если у вас есть какие-то контактные данные, напишите их мне. Заранее благодарна!
Аня Фоменко.

Здравствуйте, уважаемый Леонид Менделевич.

Прошу извинить меня за беспокойство.

Будьте любезны, не могли бы Вы, пожалуйста, дать мне адрес электронной почты Евгения Михайловича Толубовского? (Мне нужно написать ему по поводу одной рецензии на книгу.)

Ещё раз прошу прощения за беспокойство и заранее благодарю.

С уважением —

Олег Юнаков.

Уважаемый Леонид Менделевич.

Большое спасибо за Ваш столь быстрый ответ и за адрес, которые благополучно получил.

П. С. Если Вам вдруг в будущем понадобится помощь по какому-то вопросу, связанным с Википедией, — буду рад помочь. Мои основные интересы там — киевские евреи и киевская архитектура (я сам еврей родом из Киева). Но могу помочь и с другими темами.

С уважением —

Олег Юнаков.

Не стало Александра Юльевича Розенбойма, Ростислава Александровича, дорогого Саши. Ярчайшего человека, талантливого литератора, глубокого исследователя, но главное — до мозга костей одессита. Пусть будет благословенна память о нем. Мои соболезнования родным, близким, всей Одессе. Скорблю вместе с вами.
Елена Погорельская.
Москва.

Дорогой Леонид!

Позвольте выразить Вам и всем настоящим одесситам мои искренние соболезнования.

Только что дочитала подаренную мне в клубе книжку Валентины Толубовской, где она так тепло и подробно пишет об Александре Юльевиче.

Приехав в город с дачи, захотела посмотреть вашу книжную полку, нет ли там уже книжек Ямпольско-

го, и вдруг наткнулась на траурную весть.

Ужасно, когда уходят такие люди.

Вечная ему память и людская благодарность.

Ваша навсегда —

Алла Ямпольская.

Здравствуйте!

Прошу пока принять в виртуальные члены клуба дорогого моему сердцу славного города Одесса, в котором я проживаю уже в качестве шестого поколения. Дед моей прабабушки участвовал в основании моего родного города, строил и приобретал тут дома, один из его домов (Ленинградская, 13) записан в "Дубль ТИС" как памятник архитектуры.

Кстати, ведь улица Ленинградская до революции называлась Петровпавловская. Почему никто из уважаемых одноклубников не написал письмо в "Дубль ТИС"? Там нет старого названия этой улицы. Я постарался исправить это упущение и написал им.

В общем, считаю себя полноправным и коренным одесситом, а Одессу — любимым и родным городом. Прошу принять в виртуальные члены клуба! Фото прилагаю.

Спасибо за ответ, Леонид.

Честно говоря, родной город я, к стыду своему, знаю плохо. Хотя, возможно, не так уж плохо, как некоторые, считающие себя одесситами... но не будем о грустном.

Поскольку у меня в Одессе очень глубокие корни, возможно, Вы и ваш клуб что-то даже знаете о моих предках, живших тут едва ли не с основания города, поэтому как минимум пообщаться и посетить ваш клуб мне было бы очень интересно.

Ну а иметь оригинальное, хоть и виртуальное, подтверждение причастности к клубу одесситов под председательством самого Михал Михалыча :) — это было бы для меня очень приятное дополнение к связи с любимым городом.

В ближайшее время я таки соберусь с духом и посету клуб. Жаль только, что он не работает по выходным, но Ваш телефон у меня есть, так что, уверен, что-нибудь придумаем, либо просто отпишусь с работы в один из дней.
Анатолий.

Здравствуйте, уважаемые представители Всемирного клуба одесситов! Вам пишет простой одесский школьник-выпускник. Скажите, пожалуйста, были ли

вы знакомы с Киношевером Леонидом Анатолевином, известным одесским педагогом, математиком, основателем клуба "Интеграл" и просто очень интересным и позитивным человеком? С большим прискорбием сообщаю, что он умер в конце мая и был похоронен 31 мая на Панаевском кладбище. К сожалению, Леонид Анатолевинович в последние годы жил один и был довольно одиноким человеком, до сих пор разыскиваются его ближайшие родственники. Этот человек был настоящим одесситом, выросл в одно поколение людей, любящих свой город. Поэтому обращаюсь к вам с вопросом: не могли бы вы как-то посодействовать в установке памятника для Леонида Анатолевиновича? Обратиться к вам мне посоветовал Тарик Ценный, брат которого был одноклассником Леонида Анатолевиновича.

С уважением —

Даниил Селиканович.

Большое спасибо Вам, всем членам Вашего клуба и всем, кому Леонид Анатолевинович не безразличен! В ближайшем будущем постараюсь узнать ориентировочную стоимость памятника.

С уважением —

Даниил.

Спасибо тебе, Ленечка, огромное. Уверен, что все будет сделано на высоком уровне. Подскажи также от моего имени и свою сестричку Инну. В течение 2 — 3 ближайших дней я отправлю Анатолию Горбатюку воспоминания от меня, брата и от Лили и Ромы Перлиных из Сан-Диего. К тебе маленькая просьба: если ты знаком с Ефимом Ярошевским (поэтом и прозаиком), напомни ему, что он тоже обещал мне написать воспоминания о Киношевере. Если он это сделает, пусть тоже передаст их тебе или Горбатюку. Спасибо за все, всегда твой —

Тарик Ценный.

Леониду Рукману.

Здравствуйте, Лёня. Я получил Ваш адрес от Вашей сестры, Инны Закс. Моё имя — Давид, имя моей жены — Аня, наша фамилия — Бальмин. Я узнал от Инны о смерти Лёни Киношевера. Мы его знали, когда мы жили в Одессе в 1970-х. Тогда же я работал с Инной в одном проектно-институте в Одессе. Мы выражаем наши соболезнования в связи с этой ужасной — смертью хорошего человека Лёни Киношевера. Мы хотели бы узнать, как мы можем поучаствовать в сборе средств на памятник. Сообщите, пожалуйста.

Спасибо.

С уважением —

Бальмины.

Меня зовут Лена, я живу очень далеко и очень долго. Мне посоветовали вам написать — как человеку с опытом.

Я бы хотела узнать о своей семье, когда они переехали в Одессу и от куда.

Я понимаю, что Одесский областной архив — как одесские катакомбы, особенное место, где без проводника нельзя ни зайти, ни выйти. Если у вас есть какие-то советы, буду очень признательна.

С уважением —

Елена Жолковер.

Здравствуйте, любимые одесситы! Прошу вас принять меня в этот уникальный клуб с запахом акаций и вечерним амбре "Привоза". Клуб противоречий и искренних улыбок.

Город проживания — Москва.

Я еще молод, всего лишь 1993 г. р. Зовут меня Цанко Андрей Игоревич. Одессит я самый что ни на есть настоящий. Образование у меня экономическое, на досуге пишу статьи и стихи. Родился в Одессе, жил на ул. Центральный аэропорт. Мой дедушка Шлаин Григорий Авраамович, будущий ребенок, проживал на улице Дерибасовской, Великая Отечественная внесла свои коррективы, заставив семью моего дедушки покинуть город.

После объявления Победы и окончания Второй мировой его семья в город вернулась. Но квартира, конечно же, документально уже была в других руках.

Это краткий экскурс, почему меня задрало аж на самый отшиб Одессы.

В 2014 г. окончил Одесскую Национальную академию связи.

Обстоятельства заставили уехать в Москву.

Без одесского воздуха и атмосферы жить не могу.

И НЕ БУДУ.

Андрей Цанко.

Юлечка, привет! Нужен совет. Как ты знаешь, я готовлю вечер в честь Игоря Шаферана в Доме музыки. Узнал, что он учился в классе одном и дружил со Жванецким. Можно ли написать письмо Жванецкому и через вас ему переслать, передать? Есть ли у тебя или Леонида М. прямой контакт с ним? Очень хочу его пригласить участвовать.

Александр Покидченко.
Москва.

Почему я плачу, когда слышу идиш

Льву Кричевскому

Поднявшись в Израиль, я растерялся: иная природа, иная погода, иной язык, и ни одного знакомого лица. В нашей семье и моей школьной компании никто не говорил о репатриации и никто не чувствовал... И вот я единственный оказался в Израиле. К кому обратиться? У кого попросить совет? С кем выпить рюмку и поведать обычные кухонные разговоры о несостоявшейся жизни?! Никого!

И я стал искать соломинку, за которую смог бы хвататься. Вернее, эта соломинка, как и положено соломинке, попала на моем пути случайно.

Как-то я шел улицей Холона куда глаза глядят — я и в самом деле еще не знал, где какая улица и какая куда меня выведет. И сбавившая с одной на другую — то из переулка в переулок, я понял, что я, выйдя из ворот дома, где снимал квартиру, зайдя в этот мир. В растерянности — остановился. И, как в лесу (а для меня этот город был настоящим лесом), стал прислушиваться. Может, кто-то аукнется мне? Может, услышу идиш шоссе? Или гудок поезда? А может, мои мама и папа вдруг докричатся до меня из прошлой жизни? (В такие минуты верится в сверхъестественное!)

И тут я — сам вначале не поверил — услышал знакомую речь. Знакомую только по музыкальности, ибо я не знал слов, а только музыку. На этом языке когда-то разговаривали мои родители. Я пошел на музыку, на речь, на слова, просто на звук... Выйдя из переулка (а может, и тупика), я увидел на скамеечке холонского парка старую пару. Они говорили на языке идиш, который был созвучен моей душе и... непонятен.

Мои родители говорили на идиш. Но нас с сестрой не обучали ему. Почему? Еврейских школ в Одессе уже не было. А может, считали, что детям лучше его не знать: вокруг все украинское и русское, вокруг иная жизнь и другие евреи. Русские евреи. Ну куда ты устроишься со знанием идиш?! А вот с русским — молодым везде у нас дорога.

И потому я, блудный сын русского языка, остановился перед пожилой парой в Холоне, словно схватившийся за соломинку утопающий, вернее, потерявшийся в этом городе репатриант.

Единственное, что я мог назвать — улицу, где снимал квартиру. И пожилые аид и аидишка отвели меня к этому дому. (Так я потерялся, и так я наелся в первый день своего приезда в Израиль.)

Дома я стал вспоминать музыку слов идиш, которые слышал в разговорах родителей. Значение одного слова мне

почему-то было понятно (откуда?!), а другие так и остались за семью печатями.

За семью печатями осталась и речь отца, обращенная ко мне. Однажды мама вызвонила меня из русского языка и сказала, что с отцом плохо. Я немедленно приехал в Одессу. И ночами сидел возле постели отца. И в одну из ночей он позвал меня. Впервые в жизни еврейским именем (это имя он употреблял крайне редко): "Яков, Яков!"

Потом он спросил: "Что будет, Яков?" На это я ответил ему, что все будет хорошо. Папа закрыл глаза. Потом открыл и стал говорить со мной на идиш, быстро-быстро. Видно, отпали остальные языки, он вернулся к малолетству. Он говорил-говорил-говорил. Он смотрел на меня невидящим взглядом. Он говорил на идиш. Может, он сообщал мне свою рыбацкую тайну: где лучше клюет, и как мне, сыну рыбака, стоит завязывать леску; или как он безмерно любит меня, или о том, чтобы я берег маму... Он продолжал говорить, а я кричал: "Папа, я ничего не понимаю!"

Вот потому, когда я слышу идиш, я всегда плачу. Мне кажется, что все повторяется: я позвоню своим внукам, спрошу их на иврите "Что же будет?" — и стану быстро-быстро говорить на своем русском, которого они не знают. Хотя музыку языка они все-таки запоминают.

Ян Попоровский.